

ОГЛАВЛЕНИЕ

.....

ПРОЛОГ	
ВРАЩАЮЩАЯСЯ СТРЕЛКА	11
ГЛАВА 1	
ВРАГ МОЕГО ВРАГА	15
ГЛАВА 2	
ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЗЕЛЕНЬ	36
ГЛАВА 3	
ХОД КОНЕМ	58
ГЛАВА 4	
ПЕРВАЯ КРОВЬ	82
ГЛАВА 5	
ФЕЙЕРВЕРКИ	104
ГЛАВА 6	
РАССЕЯВШИЕСЯ	123
ГЛАВА 7	
ВО ЛЬДЫ	142
ГЛАВА 8	
НОВАЯ ЗЕМЛЯ	163
ГЛАВА 9	
«МЫ, ТРОЕ ПРИЗРАКОВ»	182

ГЛАВА 10	
АРХАНГЕЛЬСК	202
ГЛАВА 11	
ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	222
ГЛАВА 12	
ОЛЕНЬЯ ДИПЛОМАТИЯ	242
ГЛАВА 13	
ИТОГИ	268
ОТ АВТОРА	309
ПРИМЕЧАНИЯ	314
СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	364
БИБЛИОГРАФИЯ	366
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	374
 КАРТЫ	
РАСПОЛОЖЕНИЕ СУДОВ В ОРДЕРЕ КОНВОЯ RQ-17	
1–2 ИЮЛЯ 1942 ГОДА.....	64
МАРШРУТ КОНВОЯ RQ-17 ДО ПРИКАЗА РАССЕЯТЬСЯ	
27 ИЮНЯ — 4 ИЮЛЯ 1942 ГОДА.....	94
СУДЬБА КОНВОЯ RQ-17 4–28 ИЮЛЯ 1942 ГОДА.....	264

Смерть преградила путь в Россию,
но вы прорвались.

Джон Мейсфилд. ВСЕМ МОРЕХОДАМ

ПРОЛОГ

ВРАЩАЮЩАЯСЯ СТРЕЛКА

.....

Джим Норт не мог сказать наверняка, что происходит, но нутром чуял: судьба конвоя PQ-17 висит на волоске. Тридцать торговых судов расходились в разных направлениях по ледяным арктическим водам, нарушая плотный оборонительный строй, который сдерживал напор немецких бомбардировщиков и подводных лодок с того самого дня, как конвой покинул Исландию. Это произошло неделей ранее. А сейчас сигнальные огни кораблей непрерывно мигали, посылая сообщения. На мостике транспорта «Трубадур», где служил Норт, коротко переговаривались на родном языке два норвежца: капитан и старший помощник. Норт мало что понимал, но интонации говорили сами за себя. Многострадальный конвой PQ-17 столкнулся с новым испытанием на пути в русскую Арктику.

Был вечер 4 июля 1942 года, около половины десятого, хотя время для экипажей особого значения не имело, ведь в июле арктическое солнце никогда не заходит. Конвой находился менее чем в 1300 км от Северного полюса. Ранее в тот день американские суда, составлявшие ядро конвоя, отметили День независимости, подняв среди тумана новенькие звездно-полосатые флаги. Вскоре после этого союзнические военные корабли, защищавшие конвой, отбили

атаку 23 немецких торпедоносцев. Три корабля были потоплены, но моряки не сомневались, что победа осталась за ними, и посчитали случившееся добрым знаком: они доберутся до СССР живыми! Еще не стихли поздравления, когда начались новые трудности.

Норт силился разобраться, о чем говорят норвежцы, но вдруг его оглушил гудок другого судна. К «Трубадуру» подошел небольшой британский корабль эскорта, и офицер прокричал в рупор немыслимое сообщение, которое уже передали всем судам сигнальными флагами. Конвою PQ-17 было приказано рассеяться. Могучие военные корабли, защищавшие его, устремились прочь. Предполагалось, что «Трубадур» и другие транспорты — безнадежно медленные, полные тротила и прочих взрывоопасных грузов — в одиночку и безо всякой защиты преодолеют несколько сотен километров по далекому Баренцеву морю и сумеют добраться до советских берегов.

Конвой был окружен подводными лодками, которые следовали за ним по пятам, пытаясь нащупать прорехи в его обороне. 24-часовой полярный день не давал передышки от атак немецких бомбардировщиков, которые уже вновь были на подлете. И, что хуже всего, конвою PQ-17 угрожал немецкий линкор «Тирпиц», самый опасный военный корабль в мире. Орудия «Тирпица» стреляли на 35 км — из-за линии горизонта. Он мог потопить судно вроде «Трубадура» прежде, чем его успели бы заметить. Матросы с некоторых союзнических кораблей называли «Тирпиц» «злым и страшным серым волком».

«Простите, что бросаем вас в такой ситуации, — крикнул командир уходящего британского эсминца одному из торговых судов. — Похоже, вам придется несладко. Удачи!»

Удача им была необходима — чтобы одолеть не только немцев, но и саму Арктику. Маршрут конвоя пролегал по кромке зоны дрейфующих льдов, окружающей Северный полюс. В воде плавало множество айсбергов и льдин с острыми как бритва краями. Хотя стояла середина лета, ледяной океан мог убить человека за считанные минуты, а температура воздуха часто опускалась ниже -17° . Облака

и туман порой не рассеивались целыми днями, лишая штурманов возможности корректировать положение судов по солнцу. Из-за близости к Северному магнитному полюсу от судовых компасов не было никакого проку.

20-летний Джим Норт был самым юным и неопытным палубным матросом «Трубадура». Он никогда прежде не выходил в море, а о Советском Союзе знал лишь, что «это большая страна, которая тоже воюет с немцами». Когда конвой отбил атаку немецких торпедоносцев, Норта охватил воинственный настрой и он почувствовал себя неуязвимым. Теперь же, наблюдая за тем, как конвой рассеивается, Джим, по его собственным словам, «испугался до чертиков».

* * *

В тысячах километров отсюда, в Вашингтоне, Лондоне и Москве, американский президент Франклин Рузвельт, британский премьер-министр Уинстон Черчилль и советский диктатор Иосиф Сталин проверяли на прочность свой шаткий союз против Адольфа Гитлера. СССР вел борьбу за выживание, сражаясь с нацистской Германией в войне, поражавшей средневековой жестокостью и уже унесшей миллионы жизней — гораздо больше, чем США и Великобритания, вместе взятые, потеряют за все годы Второй мировой. Пока союзники готовы были помогать Сталину, лишь отправляя за океан военные грузы для отступающей Красной армии. Неясно было, достаточно ли этого, чтобы удержать Сталина в Большой тройке, и все же Рузвельт и Черчилль упорно продолжали снаряжать конвой.

Обычно главы трех стран бывали слишком заняты, чтобы обращать внимание на отдельные походы. Но PQ-17 запомнился всем надолго.

На мостике «Трубадура» воцарилась было растерянность, однако норвежский капитан Георг Сальвесен быстро совладал с собой. У него был план. Сальвесен полагал, что неуклюжему «Трубадуру» не спастись в 1200-километровой гонке по откры-

тому морю, ведь нацисты уже висели у него на хвосте. Капитан решил увести корабль на север, в полярное скопление дрейфующего льда, и переждать атаки немцев там. Он приказал Норту взять курс на северо-запад, во льды, в то время как большинство других судов пошли в противоположном направлении. Среди льдов «Трубадура» подстерегали опасности. Но капитан надеялся, что там рациональные немцы искать его не станут.

Норт выполнил приказ. «Трубадуру» пришлось маневрировать среди торосов у ледового барьера — низкой белоснежной стены, тянувшейся вдоль северного горизонта. Вблизи судна клубился холодный серый туман. Испуганный белый медведь убежал от «Трубадура» по торосу, возникшему в том месте, где две льдины с сокрушительной силой ударились друг о друга. Еще немного — и «Трубадур» превратится в корабль-призрак. На мостике повисло тяжелое молчание. «Так держать!» — крикнул капитан, надеясь подбодрить команду. Впрочем, его слова не успокоили Норта, который взглянул на компас, чтобы проверить курс корабля. Стрелка бесполезного прибора вращалась без остановки.

ГЛАВА 1

ВРАГ МОЕГО ВРАГА

.....

Экипажи судов из конвоя PQ-17 почти не заметили поразительной красоты Исландии. К середине мая 1942 года — за полтора месяца до того, как конвой отправился в русскую Арктику, — большинство моряков уже несколько недель провели на своих судах, уныло стоявших на якоре у исландского берега. Место называлось Хваль-фьорд, что в переводе с исландского значит «китовый фьорд»: долгое время в заливе велась добыча китов. Впрочем, некоторым морякам союзного флота Хваль-фьорд казался скорее проклятой землей из скандинавских мифов.

Энсин ВМС США Говард Каррауэй оторвал взгляд от холодных вод и увидел «по обе стороны высокие, голые, почти ступенчатые горы... которые возвышались, как огромные черные призраки». Выше всех был массивный хребет Ботнсулур, пики которого всегда скрывались в облаках. Незаходящее солнце из чистого упрямства время от времени пробивалось сквозь мглу.

Ледяной ветер неумолимо бушевал во фьорде, он то плакал, то ревел в такелаже кораблей. «Уже 24 часа ветер непрерывно дует с севера с невероятной скоростью, завывая то сильнее, то слабее, свирепый и холодный», — писал Каррауэй. Иногда шквал достигал такой силы, что выдергивал якоря из илистого дна и носил корабли

по гавани. Январский шторм, во время которого порывы ветра достигали скорости 160 км/ч, столкнул американский тяжелый крейсер «Уичита» водоизмещением в 13 000 тонн с двумя другими судами, а затем выбросил на мель. Лишь изредка ветер стихал, внезапно уступая место тишине, и тогда за километр было слышно, как плюхаются на воду утки. В волнах между судами резвились и кувыркались тюлени. Но морякам уже претили беззаботные игры животных, а больше ничего беззаботного в Хваль-фьорде не было.

Корабли стояли в конце длинного глубокого фьорда к северу от Рейкьявика, столицы Исландии. Не считая нескольких разбросанных по берегам ферм и двух морских баз — американской и британской, Хваль-фьорд был местом пустынным. На базах хранились запасы топлива, здесь были оборудованы доки и поставлены ниссеновские бараки — готовые укрытия из гофрированного металла, — где продавали провиант и дешевое пиво. На стоянке сгрудилось больше сотни судов под флагами целой дюжины союзных стран. Их в спешке собрали в Хваль-фьорде, чтобы отправить в СССР. Во флотилии имелись как новенькие суда типа «Либерти», только что сошедшие с американских верфей, так и ржавые посудины времен прошлой мировой войны. Каждое судно было укомплектовано командой гражданских добровольцев, а за его защиту отвечал военный орудийный расчет.

Переход длиной 3000 км от берегов США до портов Мурманска и Архангельска на Русском Севере моряки прозвали Мурманским маршрутом. Этот путь был серьезным испытанием, сопряженным со множеством опасностей. И дело было не только в немецких бомбардировщиках и подводных лодках, но и в суровом климате Арктики. Премьер-министр Уинстон Черчилль называл Мурманский маршрут «худшим в мире». Как правило, если у них был выбор, опытные моряки избегали его. У энсина Каррауэя выбора не было.

Как и многие оказавшиеся в Хваль-фьорде американцы, Каррауэй еще не видел войны. Он в шутку называл себя «великим американским трусом», хотя, когда дошло до дела, проявил совсем

иные качества. Голубоглазый и русоволосый, ростом 175 см, Каррауэй говорил с протяжным южнокаролинским акцентом, немного в нос. Он вырос на маленькой ферме в местечке Оланта неподалеку от города Флоренс в Южной Каролине. Родители будущего эсина едва сводили концы с концами, выращивая табак и хлопок. Денег было так мало, что Каррауэй, у которого было шесть братьев и сестер, два года жил у родственников, чтобы родителям не приходилось его кормить. Он терпеть не мог работу на ферме, но любил книги. С огромным усердием изучал английский язык и литературу в Университете Фурмана, который окончил весной 1941 года. Через несколько месяцев, когда Америка оказалась на пороге войны, Каррауэй вместе с тремя братьями решил пойти в армию добровольцем, не дожидаясь призыва. Каждый из братьев выбрал свой род войск. Возможно, они даже тянули жребий, потому что Каррауэй, мореходный опыт которого ограничивался парой лодочных прогулок по пруду на ферме, оказался в резерве ВМС США.

Его приписали к Службе вооружений морского транспорта — флотскому подразделению, сформированному для обслуживания орудий, установленных на торговых судах для защиты от вражеских подводных лодок и самолетов. Хотя Каррауэй, вероятно, этого не знал, моряки считали, что служить там нежелательно — слишком опасно. Какими бы опытными ни были команды этой Службы, орудия на транспортах и танкерах плохо защищали от подводных лодок, которые часто наносили удар внезапно. Торговые суда были главными мишенями субмарин, перед которыми стояла задача прервать союзнические поставки. Официальным девизом флотской Службы вооружений морского транспорта стала фраза «Наша цель — доставить в целости!», а неофициальным — «Вижу лодку, буль-буль».

Но если Каррауэй и расстроился, попав в Службу, то никак этого не проявлял — по крайней мере, до назначения на «Трубадур».

Последний наглядно свидетельствовал о том, что в начале войны Америка испытывала острую нехватку грузовых судов. Старый 126-метровый транспорт с сомнительным прошлым ходил на угле

и вмещал в свои шесть трюмов 6000 тонн груза. Построенный в Англии в 1920 году, за следующие 20 лет он успел трижды сменить название и владельца. В конце концов итальянская компания назвала его «Конфиденца» и стала использовать для перевозки металлолома. В 1940 году, когда Италия вслед за Германией объявила войну Великобритании и Франции, корабль находился на стоянке в Джексонвилле (штат Флорида). Несмотря на то что Америка еще сохраняла нейтралитет, власти задержали судно в порту, чтобы оно не попало в распоряжение Италии или Германии. «Конфиденца» почти год ржавела на приколе, пока итальянская команда не получила кодированное сообщение, согласно которому судно нужно было вывести из строя, чтобы оно не досталось союзникам. Итальянцы запустили котлы всухую — нагревая их без воды, чтобы расплавить и покорезить турбины и трубопроводы, но береговая охрана США заметила, что происходит, и конфисковала судно. Ущерб оказался серьезным, и все же покалеченную «Конфиденцу» передали Управлению военных поставок — федеральному агентству, отвечавшему за морские перевозки военных грузов. Котлы отремонтировали, на судно установили орудия. Управление решило эксплуатировать пароход под флагом Панама, а не США, чтобы избежать строгих проверок береговой охраны и получить возможность нанимать иностранных моряков за более низкую плату*.

В результате на «Трубадуре» сформировалась многоязычная команда. 34-летний капитан Георг Сальвесен и остальные офицеры парохода были норвежцами. Когда в 1940 году нацисты оккупировали Норвегию, все они находились в плавании на других судах и были вынуждены с тех пор жить в море либо искать временного пристанища на территории союзных или нейтральных государств. Оторванные от родины, норвежцы были сильно озлоблены. Тре-

* Такие «удобные флаги» до сих пор широко используются судовладельцами, желающими обойти требования береговой охраны и избежать уплаты налогов, выполнения различных юридических формальностей и необходимости назначать американским морякам заработную плату по профсоюзным ставкам. — *Прим. авт.* (здесь и далее, если не указано иное).

тий помощник Сигурд Ольсен не мог без дрожи в голосе говорить о своей жене и детях, которые остались в оккупированном немцами порту Берген. Ольсен тосковал по семье, а еще по фьордам, перебивам северного сияния... Он поклялся отомстить немцам. Ради этого Ольсен готов был даже дожидаться окончания войны. Он сказал Каррауэю, что, когда немецкие туристы вернутся на мощенные улицы Бергена, третий помощник заставит их дорого заплатить за годы, которые ему пришлось провести в морском изгнании.

В команду «Трубадура» входили 46 моряков торгового флота — гражданских лиц, нанявшихся на судно исключительно для этого плавания в Советский Союз. Они были уроженцами 17 стран, в том числе США, Англии, Норвегии, Южной Африки, Уругвая, Латвии, Эстонии, Гондураса, Голландии, Швеции, Польши, Португалии, Испании, Бельгии и Каймановых островов. Некоторые были завербованы в миграционных лагерях США, где им дали выбор: либо работа на «Трубадуре», либо депортация. Соответственно, и по уровню подготовки, и по степени приверженности делу союзников они очень различались.

Одним из американцев на «Трубадуре» был 20-летний Джеймс Бейкер Норт III из округа Бакс в штате Пенсильвания. Норт бросил школу вскоре после нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Взмешенный этой атакой, он опасался лишь одного — что не успеет сразиться на войне. Норт был 178 см ростом, весил 57 кг и, как он сам о себе говорил, имел «слабое горло, но громкий голос». Он мечтал стать летчиком, однако из-за хронического тонзиллита его не взяли ни на флот, ни в ВВС. Друг подсказал Нарту, что в торговом флоте США на его миндалины и не взглянут, зато он получит возможность заработать «легкие деньги», служа своей стране. Как и Каррауэй, Норт ничего не знал о море. Он сочинил историю о том, как работал на судне для ловли креветок, и один из морских профсоюзов — тех, что нуждались в матросах не меньше, чем государство нуждалось в транспортах, — принял Норта, присвоив ему звание матроса второго класса, самое низшее в составе палубной команды. Посетив профсоюз в Филадельфии, Норт услышал, что на судно

«Трубадур» набирается команда для плавания в Россию. Заплатить обещали 500 долларов. Норт никогда не слышал о Мурманском маршруте, а таких денег сроду в руках не держал. Разумеется, он поспешил в доки, чтобы записаться на «Трубадур».

Надежды на легкий заработок быстро растаяли. Не успел Норт взойти на борт, как один отморозок из команды схватил его и принялся из чистой подлости колотить головой о палубу. Другой здоровяк некоторое время наблюдал за стычкой, а затем врезал обидчику Норта. Завязалась драка, и противники обрушили друг на друга шквал ударов. После этого они пожали руки друг другу, а затем и Норту. Так Джеймс завел на «Трубадуре» первых «друзей». В плавании у него появились и другие приятели, но некоторых членов команды он к себе близко не подпускал. Особенно опасался двух рыжих братьев-верзил из Ливерпуля, которые работали на «Трубадуре» кочегарами. Похоже, братья слишком много смотрели на огонь, отчего у них повредилось зрение. При разговоре они вставали к собеседнику вплотную, и Норту становилось не по себе — ему всегда казалось, что кочегары собираются на него напасть.

Впрочем, явную неприязнь Норт испытывал лишь к Каррауэю и восьмерым другим парням из Службы вооружений морского транспорта. Он считал их самодовольными дураками. Каррауэй, в свою очередь, полагал, что Норт и остальные моряки торгового флота ленивы, ненадежны, а еще, весьма вероятно, не заслуживают доверия. «Они сплошь троцкисты и жуткие буяны», — писал Каррауэй. Когда на судне не закрыли клапан, из-за чего боеприпасы Службы залило морской водой, Каррауэй усмотрел в этом происки матросов. Норт счел обвинение абсурдом: какой моряк захочет обезоружить собственное судно перед опасным плаванием?

По пути в Хваль-фьорд «Трубадур» останавливался в Нью-Йорке и шотландском Глазго, чтобы взять на борт оружие, боеприпасы и грузы, предназначавшиеся для СССР. Главная палуба судна была заставлена ящиками и грузовиками. Рядом также стояли три танка МЗ «Ли» — их привязали к рым-болтам стальными тросами,

чтобы не смыло в море. Сначала на грузовой палубе находились еще сотни металлических бочек с этиленом, но в разгар шторма у берегов Новой Англии бочки раскатились по палубе, и капитан приказал сбросить их за борт, предотвратив таким образом катастрофу. Однако даже без бочек палубы «Трубадура» были так заставлены, что матросам пришлось проложить над грузом деревянные мостки, дабы обеспечить артиллеристам быстрый доступ к орудиям.

«Трубадур» был оснащен четырьмя пулеметами системы Льюиса 30-го калибра, которым, как подозревал Каррауэй, не хватит огневой мощи, чтобы нанести повреждение самолету или подводной лодке, и одной установленной на платформе в кормовой части корабля 4-дюймовой 50-калиберной пушкой со стволом длиной в телеграфный столб. Несмотря на внушительность, ствол четырехдюймовки невозможно было поднять выше чем на 45°, что серьезно ограничивало возможность использовать ее против самолетов. Боеприпасов не хватало. Каррауэй гадал, о чем вообще думали люди, вооружавшие «Трубадур». И все же ему повезло больше, чем другому судну из конвоя PQ-17, «Кристоферу Ньюпорту», среди орудий которого была старая пушка, долгое время стоявшая списанной в общественном парке Балтимора.

Каррауэй — в душе романтик, но не лишенный при этом насмешливости и цинизма, — чувствовал, что стремительно прощается с юношеским идеализмом. Его преображение отражено в дневнике, который он в нарушение инструкций вел во время плавания. Этот дневник — бесконечное любовное послание к Авис, миниатюрной зеленоглазой красавице, на которой Каррауэй женился прямо перед поступлением на корабль. В каждой записи он называет ее «ангелом» и рассказывает о событиях дня, чтобы можно было во всех подробностях поделиться с Авис пережитым, когда он вернется домой — если вообще вернется. Задолго до того, как «Трубадур» дошел до Хваль-фьорда, Каррауэй стал в своем дневнике называть пароход «грудой мусора» и «проклятым сортиром дальнего плавания». Когда же на «Трубадуре» поселился голубь,

Каррауэй написал: «Должно быть, дома ему приходилось несладко, раз он решил искать приюта на этой посудине».

Тем не менее Каррауэй был решительно настроен преодолеть все препятствия и сделать так, чтобы «Трубадур» оставался на плаву до самой доставки груза. Он знал, что СССР отчаянно нуждается в помощи. И все же, как большинство американцев, Каррауэй вырос с убеждением, что СССР представляет собой ужасную угрозу свободному миру. Было несколько странно рисковать жизнью, чтобы помочь этому закрытому тоталитарному государству, во главе которого стоял бесчеловечный Иосиф Сталин. Энсин пришел бы в еще большее недоумение, знай он, какова история конвоя PQ-17 и какие политические маневры были предприняты ради него на высшем уровне.

* * *

На протяжении большей части американской истории отношения США с Россией были дружественными, если не близкими. Российская императрица Екатерина Великая первой из мировых лидеров признала США после Войны за независимость — хотя и пошла на этот шаг в основном ради ослабления Великобритании, соперничавшей с Россией в море. Во время Англо-американской войны 1812 года Россия порывалась выступить посредником в отношениях двух стран. Пока в США бушевала Гражданская война, Россия поддерживала Союз, в то время как Великобритания и Франция склонялись на сторону Конфедерации. По окончании конфликта Россия продала США Аляску за 7,2 млн долларов. Страны поддерживали стабильный уровень торговли, в основном через порт Архангельска на Белом море, вплоть до большевистского переворота 1917 года.

Большевики использовали недовольство русских солдат деморализующими поражениями от немцев в Первой мировой войне. Захватив власть, они быстро заключили с Германией мир, по которому уступили ей обширные территории и вывели российские

войска из зоны боевых действий. Выход России из войны позволил немцам перебросить сотни тысяч солдат на Западный фронт и начать наступление на британцев и французов. В результате война затянулась, потери возросли, и США также не смогли остаться в стороне. Когда в 1918 году бои наконец закончились, британцы по морю перебросили небольшой военный корпус в Архангельск, чтобы попытаться помешать большевикам удержать власть в России. Президент Вудро Вильсон усилил британские войска 5500 американскими пехотинцами, в основном новобранцами из Мичигана и Висконсина, которые ожидали, что будут защищать французскую территорию от немецких захватчиков. Но им выпало сражаться под британским командованием в Архангельске на необъявленной войне против небольших групп большевиков в глухих лесах и комариных болотах к югу от города. Американцы действовали, как пионеры на Диком Западе: строили бревенчатые форты и рассылали рейдерские отряды. Бои продолжались десять месяцев, при этом зима 1918–1919 годов выдалась настолько суровой, что кровь, текущая из зияющих ран, мгновенно замерзала, и порой это спасало жизни. Американцы покинули Архангельск в июне 1919 года, их потери составили 244 человека погибшими в боях и умершими от болезней. Они отважно сражались с зарождающейся Красной армией, но эта небольшая интервенция не смогла остановить большевиков, которые стали называть себя коммунистами. По сей день солдаты, воевавшие в Архангельске, остаются единственными американцами, которые встречались с русскими на поле боя.

Когда в начале 1919 года последние британские войска покинули Архангельск, ярые антикоммунисты Великобритании, возглавляемые Черчиллем, который тогда занимал пост военного министра, призвали к формированию крупного международного контингента, чтобы остановить большевиков. Однако Вильсон и другие лидеры победивших союзных государств, еще не подсчитавшие потери в войне, которая должна была «положить конец всем войнам», не готовы были ввязываться в новый конфликт в бескрайней России. Вильсон отказался посылать туда новые войска. Черчилль заявил,

что государства Запада еще пожалеют о своем решении: «Настанет день, когда цивилизованный мир прозреет и поймет, что уничтожение большевизма в зародыше стало бы неопишущим благом для человечества». Яростное неприятие коммунизма осложнит сотрудничество Черчилля со Сталиным и Рузвельтом во время Второй мировой войны и сыграет свою роль в истории конвоя PQ-17.

О непродолжительной интервенции союзников в Россию в 1918–1919 годах быстро забыли в США, но в самой России память о ней осталась и вызывала негодование многих поколений, отравляя советско-американские отношения в период холодной войны. В 1959 году советский генсек Никита Хрущев сказал на выступлении в Лос-Анджелесе: «Мы помним ужасные дни, когда американские солдаты пришли к нам под командованием своих генералов, чтобы... подавить молодую революцию. <...> Все капиталистические государства Европы и Америки ополчились против нашей страны, чтобы задушить молодую революцию. <...> Никогда ни один наш солдат не ступал на американскую землю, а ваши солдаты ходили по русской земле. Таковы факты».

После Первой мировой войны все западные демократии со стороны наблюдали, как коммунисты сосредоточивают в своих руках власть над страной. В 1924 году Владимира Ленина на посту главы СССР сменил Сталин. В последующие 28 лет он доказал, что Черчилль был прав в своих предостережениях.

Иосиф Сталин родился в деревне на территории Грузии, входившей в состав Российской империи. В детстве его часто бил пьяница-отец, сапожник. Юный Иосиф хорошо учился в школе, но был отчислен из семинарии, после чего примкнул к большевикам, для которых устраивал ограбления банков и некоторое время отсидел в тюрьме. Хотя Сталин не служил в армии, он носил одежду военного образца — буденовку, гимнастерку, высокие сапоги. Он всегда имел при себе револьвер, прошел боевую подготовку и взял себе псевдоним Сталин — от слова «сталь».

Управленческие таланты сделали Сталина незаменимым членом молодой Коммунистической партии. Он пользовался этим, чтобы

продвигаться к власти, несмотря на явную склонность к неоправданной жестокости, тревожившую даже фанатичного Льва Троцкого, которого в конце концов по приказу Сталина убили ударом ледоруба по голове. Имевшие дело со Сталиным часто заблуждались на его счет, видя в нем разумного человека, с которым можно работать. Многие из них заплатили за ошибку собственными жизнями, когда Сталин взялся за модернизацию СССР при помощи грубой силы и террора.

После Первой мировой Сталин полагал, что нужно превратить СССР из крестьянской страны в современную державу, ведь иначе враждебно настроенные соседи сумеют одолеть Союз в ходе следующей войны. История позволяет предположить, что в этом отношении он был прав, но его стратегия не учитывала ценности человеческих жизней. Сталин приказал миллионам крестьян откаться от своей земли, чтобы в стране сформировалась огромная система коллективных хозяйств, снабжавших СССР продуктами. Крестьяне покидали свои дома, устраивались на новые заводы и осваивали новые отрасли. Несогласных расстреливали или отправляли в тюремные лагеря, сеть которых стремительно росла. Они получили известность как ГУЛАГ — по названию Главного управления исправительно-трудовых лагерей. Под руководством неопытных начальников коллективные хозяйства — колхозы — работали плохо, и возникала нехватка продовольствия. Сталин винил в этом воров, спекулянтов и других врагов государства. Он приказал Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) устраивать рейды по деревням и выявлять преступников. Тем временем нехватка продовольствия переросла в голод. К 1934 году ГУЛАГ распух от заключенных, среди которых были как политические противники Сталина и известные деятели культуры, так и законопослушные граждане, ложно осужденные по доносу друзей или родственников, сломавшихся под неимоверным давлением, которое оказывалось с целью назвать *хоть каких-то* виновных. Количество советских граждан, умерших от голода и болезней и убитых палачами НКВД, «фирменным почерком»

которых было стрелять жертве в затылок, достигло гигантской цифры в 6–8 млн.

Ценой столь многих смертей и страданий Сталину удалось перестроить СССР. Голод закончился. Промышленное производство расцвело. Хорошо вооруженная Красная армия стала могучей силой. ГУЛАГ превратился в источник рабского труда для возведения плотин, строительства каналов и реализации других грандиозных проектов. Миллионы молодых крестьян, родители которых не могли и мечтать ни о чем подобном, получили образование и нашли себе место в промышленности и армии. Они знали лишь советскую систему и, если не сталкивались с НКВД, вполне могли считать свою страну прогрессивной.

Никто в СССР, однако, не был в полной безопасности. В 1936 году Сталин запустил серию чисток, которые, по его словам, были необходимы для борьбы с заговором против советской власти, назревавшим внутри системы. Сотрудники НКВД казнили или отправили за решетку более миллиона человек, от старых большевиков и товарищей Сталина до чиновников советского правительства и офицеров Вооруженных сил. От них пытками добывались ложных признаний, вслед за чем устраивались показательные суды, где беспомощные подсудимые сознавались в немыслимых преступлениях, которых не совершали, и оговаривали таких же невинных людей. Даже слепо преданные государству граждане жили в страхе, опасаясь услышать стук в дверь. Чистки получили название «Большой террор». Но еще больший террор надвигался на Запад.

Сталин быстро понял, какую угрозу нацизм представляет для СССР. Гитлер называл большевизм детищем евреев, которых он ненавидел, и заявлял, что Германия нуждается в *Lebensraum* — жизненном пространстве, где «высшая раса» нацистов сможет размножаться и процветать. Несомненно, он имел в виду советские территории. Сталин был намерен предотвратить войну с нацистской Германией или хотя бы отсрочить ее. При этом чистки Большого террора унесли жизни более чем 48 000 совет-

ских офицеров, что заметно сказалось на состоянии Красной армии и флота.

Первым делом Сталин рассмотрел возможность создания союза с Великобританией и Францией. В апреле 1939 года он предложил трем державам заключить соглашение о защите любого независимого государства, расположенного на территории от Балтийского до Средиземного моря. Однако лидеры британского и французского правительств не желали иметь дела со Сталиным. Две страны, над которыми нависла самая серьезная угроза, Польша и Румыния, отказались впустить советские войска на свою территорию даже в целях защиты от нацизма. Поляки и румыны «не знали, чего бояться больше — немецкой агрессии или русского спасения», — иронично отмечал Черчилль. Великобритания и Франция не дали однозначного ответа на предложение Сталина. В результате Сталин решил заключить пакт с Гитлером.

Он не думал, что соглашение с Германией помешает Гитлеру в конце концов напасть на СССР, но считал, что сможет выиграть время, чтобы Красная армия успела подготовиться к войне. Сталин полагал, что в период действия пакта Германия и западные демократии могут разорвать друг друга на части, что в итоге сделает СССР сильнее любой из этих стран.

Гитлер, в свою очередь, жаждал соглашения со Сталиным. Оккупировав в 1939 году Чехословакию, фюрер хотел начать вторжение в Польшу. Он понимал, что такой шаг может привести к войне с Великобританией и Францией, и был к ней готов. Однако, если бы СССР выступил на стороне его противников, немцам пришлось бы воевать на два фронта. В мае 1939 года Гитлер отправил к Сталину нескольких дипломатов, и вскоре договор был составлен. Согласно этому документу, нацистская Германия и СССР официально обязались не нападать друг на друга в течение десяти лет. Но главным был секретный протокол. Сталин согласился не вмешиваться в ситуацию при вторжении Гитлера в Польшу. Гитлер позволил СССР занять восточную треть Польши, а также прибалтийские республики: Латвию, Литву и Эстонию. Сталин также пообещал

снабжать Германию зерном, нефтепродуктами, деревом, медью и марганцем для закалки стали*.

Советско-германский пакт о ненападении был подписан 23 августа 1939 года. В Москве Сталин поднял тост за здоровье Гитлера. В Берлине трезвенник Гитлер позволил себе глоток шампанского и, как свидетельствуют, провозгласил: «Теперь Европа у меня в руках». Во время улыбок и тостов Сталин негромко сказал своему доверенному помощнику Хрущеву: «Я знаю, что затевает Гитлер. Он думает, что обманул меня, но на самом деле это я его обманул». Новость о заключении пакта поразила западных союзников. «Ужасная новость прогремела над миром, подобно взрыву», — написал Черчилль. И все же он полагал, что советско-нацистское партнерство обречено. «Я был по-прежнему уверен в глубокой и, как я полагал, неустранимой враждебности между Россией и Германией, — писал Черчилль, — и цеплялся за надежду, что обстоятельства вынудят СССР перейти на нашу сторону». Свою позицию он подтвердил в радиовыступлении, произнеся слова, которые вошли в историю: «Я не могу предугадать действия России. Это головоломка, завернутая в тайну, которая кроется в загадке. Но, возможно, к ней есть ключ. И ключ этот — национальные интересы России». Впрочем, даже Черчилль не подозревал, как быстро и резко соглашению Гитлера и Сталина придет конец.

Вскоре после подписания пакта Германия вторглась в Польшу. Как Гитлер и ожидал, Великобритания и Франция поспешно объявили Германии войну. Сталин вошел в Восточную Польшу и Прибалтику. Он считал, что последняя послужит буфером, когда Германия все же нападет на СССР.

В июне 1940 года Сталин испытал потрясение, когда Германия всего за шесть недель завоевала Францию и вытеснила британскую армию с континента через Дюнкерк. Узнавая о поражениях союз-

* Партнерство нацистов и СССР не ограничивалось разделом территории другого государства и поставкой немцам советского сырья. Советские суда предоставляли прогноз погоды немецким бомбардировщикам, терроризировавшим Великобританию.

ников, советский лидер «ругался, как извозчик». Неожиданно армия нацистской Германии оказалась свободна для новых кампаний. К середине июня 1941 года немецкие войска стали сосредоточиваться на советской границе. Сталин не придавал значения предупреждениям о неминуемом вторжении немцев. Он полагал, что Гитлер слишком умен для того, чтобы нападать на СССР всего за несколько месяцев до зимы, ведь для Наполеона в 1812 году это обернулось катастрофой. В последние часы перед вторжением Сталин получил два шанса изменить ситуацию. Сначала молодой немецкий офицер пересек границу и передал советским пограничникам планы вторжения, надеясь их предупредить. Сталин приказал расстрелять его как провокатора. Затем два генерала из близкого окружения Сталина убедили его оповестить войска на границе о возможном нападении. К тому времени, однако, было уже слишком поздно: немецкие диверсанты перерезали линии связи.

За час до рассвета в воскресенье, 22 июня 1941 года, Гитлер отправил 3 млн немецких солдат штурмовать советскую границу на всем протяжении: от арктической тундры до кавказских степей. Вторжение, получившее кодовое название «операция “Барбаросса”», было крупнейшим в истории. Протяженность нового — Восточного — фронта составила более 2500 км, что примерно соответствует расстоянию от Нью-Йорка до Нового Орлеана. Предрассветные немецкие бомбардировки уничтожили 1200 советских самолетов, фактически лишив Сталина авиации и оставив наземные силы беззащитными перед натиском вражеских летчиков. Красная армия отступала по всей линии фронта или вовсе спасалась бегством. Десятки тысяч советских солдат дезертировали, а сотни тысяч сдались в плен*. Первые немецкие бомбы упали на Москву 21 июля 1941 года — с начала вторжения прошло меньше месяца. Сталин приказал убрать из Мавзолея мумифицированное тело

* На Южном и Северном фронтах в первые дни войны обстановка оставалась стабильной, в отличие от Западного фронта, где в тот момент шли ожесточенные бои. — *Прим. науч. ред.*

Ленина и быстро эвакуировать его из столицы в рефрижераторном вагоне. Большой театр и Московский театр кукол были заминированы, чтобы в случае необходимости взорвать их. Сталин составил план собственной эвакуации из Москвы, но так и не уехал. Неподалеку от Москвы нацисты заняли имение Льва Толстого и сжигали тела погибших у могилы великого писателя. Немецкий мотоциклетный отряд устроил гараж в доме композитора Петра Чайковского. Вскоре вражеские армии оказались на расстоянии вытянутой руки от Москвы и Ленинграда. Гитлер приказал войскам не захватывать эти города, а сровнять их с землей.

Узнав о вторжении 22 июня, Черчилль написал Сталину, предложив помощь со стороны Великобритании*. Ситуация была неловкой, ведь в 1919 году, призывая к военной кампании против большевиков, он сравнивал коммунизм с «мерзким обезьянником» и бубонной чумой. Теперь, однако, Черчилль понимал, что альянс с СССР может помочь спасти Великобританию и одержать победу над Гитлером. «Никто на протяжении последних двадцати пяти лет не противостоял коммунизму последовательнее меня, — сказал Черчилль, выступая по радио после начала операции «Барбаросса». — Я не отказываюсь от своих слов. Но все это меркнет в сравнении с происходящим в настоящий момент». Он заявил, что Великобритания должна сделать все возможное, чтобы помочь СССР. Британский премьер действовал в соответствии с санскритской пословицей IV века до н. э.: «Враг моего врага — мой друг».

Сталин попросил Черчилля высадить во Франции морские десанты и открыть в Западной Европе второй фронт, чтобы тем самым вынудить Гитлера разделить войска. Черчилль счел это невозможным. Британская армия еще не пришла в себя после того, как ее выдавили из Франции и она бросила большую часть тяжелого вооружения при отступлении к Дюнкерку. Нацисты укрепляли французское побережье бункерами, дотами, минами, пулеметными

* Первое письмо Черчилля было получено Сталиным 8 июля 1941 г. — *Прим. науч. ред.*